

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

В ОКТЯБРЕ СОРОК ПЕРВОГО

«Постановление Государственного Комитета Обороны о введении в Москве и пригородах осадного положения

19 октября 1941 года

Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстающих на 100—120 км за-западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом генералу армии Жукову, а на начальника гарнизона г. Москвы генерал-лейтенанта Артемьева возложена оборона Москвы на ее подступах.

В целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Ввести с 20 октября 1941 года в г. Москве и прилегающих к городу районах осадное положение.

2. Воспретить всякое уличное движение как отдельных лиц, так и транспортов с 12 час. ночи до 5 час. утра, за исключением транспортов и лиц, имеющих специальные пропуска от коменданта гор. Москвы, причем в случае объявления воздушной тревоги передвижение населения и транспортов должно происходить согласно правилам, утвержденным Московской противовоздушной обороной и опубликованным в печати.

3. Охрану строжайшего порядка в городе и пригородных районах возложить на коменданта г. Москвы, для чего в распоряжение коменданта предоставить войска внутренней охраны НКВД, милицию и добровольческие рабочие отряды.

4. Нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте.

Государственный Комитет Обороны призывает всех трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всяческое содействие...»

20 октября 03.00. Сущевский вал

Сразу после двенадцати машин стало мало. За два часа проехала одна «эмка» с каким-то недовольным командиром — знаки различия Фролов так и не рассмотрел, а в сопроводилровке была указана только должность — «зам. начальника отдела НКО» — и две полуторки: одна — с минами, вторая — с мукой.

Улицу продувало ледяным ветром, а дома с мертвенно-темными глазами казались неживыми и холодными. И именно от этой мертвенности становилось еще холоднее и возникало чувство одиночества и покинутости.

Шаги гулко разносились в тишине, а хруст льда под сапогами казался резким, как револьверные выстрелы.

— У тебя осталось закурить? — спросил Фролов напарника. Тот порылся в кармане, вытащил измятую пачку, скомкал, хотел бросить, но, видимо, выработанная годами службы в милиции привычка к порядку пересилила, и он, вздохнув, сунул пачку обратно в карман.

От отсутствия папирос курить захотелось еще сильнее.

— Надо ждать машины, может, у пассажиров табачком разживемся.

— А если ее не будет?

— Тогда терпи, брат. Сам виноват, что не позаботился.

— А ты?

— Я старший наряда, поэтому тебе мои действия обсуждать не положено! — засмеялся Фролов.

Они опять замолчали. И начали думать каждый о своем, но мысли у них были удивительно одинаковые. Они знали, что враг совсем недалеко от Москвы, гнали от себя прочь тревожные мысли о том, что он может захватить город, думали о своем месте в этой войне. Они понимали, что им доверено важное дело и их полоса обороны — эта улица с мрачными домами. За каждым темным окном были люди, и они, милиционеры, охраняли их труд и покой. Первым шум мотора услышал напарник.

— Вот он, наш табак-то, едет, — толкнул он в бок Фролова.

А машина уже ворвалась в пустоту улицы, заполнив ее всю без остатка ревом двигателя.

Фролов поднял фонарик, нажал кнопку — вспыхнул красный свет. Машина, скрипя, медленно начала тормозить. В кабине таяло алое пятно папиросы, и Фролов с радостью подумал о первой, самой сладкой затяжке.

Они подошли к машине. Фролов нажал на ручку, открыл дверцу кабины.

— Контрольно-пропускной пункт. Попрошу предъявить пропуск и документы.

— Минутку, — сидящий рядом с шофером командир достал из планшета бумаги.

Фролов зажег фонарик...

Сначала он ничего не понял, все произошло словно во сне. От стены дома отделились три зыбкие, почти неразличимые в темноте фигуры и бросились к машине.

Фролов, бросив документы на сиденье, рванул из кобуры наган. В это время что-то больно толкнуло его в бок, и он упал, ударившись головой о крыло. Раздалось еще несколько выстрелов, потом резанул автомат, и Фролов увидел двух бегущих. Тогда он, преодолевая боль, поднялся на локте и выстрелил им вслед три раза. Выстрелил и... потерял сознание.

20 октября 03.40. Суцевский вал

— Зажгите фонарь и — врача немедленно, — сказал Данилов.

Узкий свет побежал по земле, осветил на секунду золотистую россыпь автоматных гильз, особенно ярких на фоне черного асфальта мостовой, кожаную перчатку, раздавленный коробок спичек, обрывок ремня. И все эти вещи сейчас имели для Данилова особый и очень важный смысл, потому что дорисовывали ему картину происшествия, становились свидетелями того, что произошло здесь сорок минут назад.

А луч продолжал скользить по мостовой, и вот яркий кружок осветил еще одну гильзу, но была она значительно толще и длиннее автоматных. Данилов поднял ее, осветил фонарем. На ее доньшке стояла маркировка — две латинские буквы. Да, впрочем, ему они уже ничего нового сказать не могли. Гильза была от патрона, которым снаряжается обойма к парабеллуму.

— Муравьев, — повернулся он к оперативнику, — ищите гильзы от парабеллума, они должны быть здесь.

— Есть, Иван Александрович!

Фонарик снова зашарил по земле.

— Товарищ начальник! — Данилов узнал голос оперуполномоченного Самохина. — Собака взяла след, довела до кинотеатра «Горн», там след потеряла. Но мы нашли вот что.

Данилов зажег фонарь и увидел, что Самохин держит шинель, обыкновенную красноармейскую шинель с зелеными треугольниками защитных петлиц на воротнике.

— Ну и что? — спросил Данилов просто так, на всякий случай.

— Вы посмотрите! — Самохин подставил воротник шинели под свет фонаря.

И Данилов увидел разорванную ткань и бурые пятна. Он потрогал воротник рукой. Грубое сукно было еще совсем сырым.

— Так, — сказал Данилов, — так. А где нашли?

— Метрах в ста за углом. Собака облаяла.

— Понятно. Что еще?

— Найдено семь гильз от парабеллума, — ответил невидимый в темноте Муравьев. — Кроме того, рядом с убитым лежит парабеллум.

— Документы?

— Красноармейская книжка на имя Реброва Ильи Федоровича. Видимо, поддельная.

— Ну это не нам решать, а экспертам. Как милиционеры?

— Отправлены в госпиталь.

— Пусть Поляков поедет туда и допросит их, если это, конечно, возможно. Лейтенант и шофер дали показания?

— Да.

— Отпустите их. Впрочем, подождите. — Данилов подошел к машине, осветил фонарем группу людей: — Как фамилия лейтенанта?

— Ильин, — подсказал Самохин.

— Товарищ Ильин! — позвал Данилов.

От группы отделилась высокая фигура, и Данилов скорее догадался, чем увидел, что лейтенант совсем еще молод, наверное, недавно из училища.

— Товарищ Ильин! — Данилов подошел к нему, крепко пожал руку. — Большое спасибо за помощь.

— Да что вы, товарищ! Это мой, так сказать, долг.

— Следуете на фронт?

— Так точно!

— Впервые?

— Да, — после паузы смущенно ответил Ильин.

— Да вы не смущайтесь! Судя по сегодняшнему, воевать вы будете отлично. Еще раз спасибо и счастливого пути.

20 октября 04.30. МУР

Не успел Данилов раздеться, как зазвонил внутренний телефон. Голос начальника МУРа был спокоен и чуть хрипловат.

— Ну что у тебя, Иван Александрович?

— Пока ничего утешительного.

— Сколько их было?

— Трое. Один убит, один ранен.

— Взяли?

— Нет, скрылся.

Начальник помолчал немного, потом сказал:

— Ладно, бери все вещественные доказательства по делу и заходи ко мне.

— Когда?

— Прямо сейчас.

В полутемном коридоре Данилов столкнулся с заместителем начальника Серебровским.

— Ты это куда, Иван, со шмотками, на базар?

— Да нет, Сережа, «на ковер».

— А это, стало быть, твои клиенты напали на КПП?

— Теперь вроде мои.

— Ну давай, ни пуха...

— К черту!

— Грубый ты человек, Данилов, — шутливо ужаснулся Серебровский.

— Так, время такое, — принимая его тон, ответил Данилов и уже у дверей приемной, обернувшись, хотел спросить Серебровского, почему его людям по сей день не заменили шинели, но заместитель начальника словно растворился в полумраке коридора, только вдалеке запели половицы под тяжестью его шагов.

Начальник сидел на диване, внимательно разглядывая коробку от папирос. Данилов за долгие годы совместной работы изучил его привычки и точно знал, что если начальник думает, то сосредоточивает внимание на вещах, абсолютно случайных, не имеющих никакого отношения к делу.

— Ну, давай живописуй! — начальник встал, привычно расправил гимнастерку под ремнем. — Давай-давай.

— А чего давать-то? Я хотел рапорт написать...

— Да нет, ты уж лучше своими словами, а эпистоляр — это после, для архива.

— Ну, если так... В три часа ночи сотрудники подвижного КПП управления старший милиционер Фролов и милиционер Светланов остановили машину, полторку, войсковой части, следующую на фронт. Во время проверки документов трое неизвестных напали на них, открыв огонь из парабеллумов...

— Откуда известна система оружия?

— Один нашли рядом с убитым и гильзы.

— Сколько?

— Семь штук.

— Прилично. Прямо-таки штурм Порт-Артура, а не налет.

— Сразу же наши сотрудники были ранены. Но находящийся в машине лейтенант Ильин открыл огонь из ППШ, а шофер — из карабина.

— Серьезный бой был.

— Куда уж! Один из нападавших убит, двое скрылись. Когда они бежали, раненый Фролов ранил одного из нагана в шею.

— Откуда известно?

— Вот шинель нашли.

Начальник взял шинель, разложил ее на столе, начал внимательно рассматривать.

— Так, Данилов! Нарисовал ты леденящую душу картину. Так. А слушай-ка, шинель-то твоего роста. А ну прикинь-ка! — Данилов пожал плечами и, брезгливо поежившись, натянул на себя чужую, чем-то неприятно пахнущую шинель. — Повернись. — Начальник подошел к нему, поправил воротник: — А знаешь, Иван, ранение-то касательное, с такой отметиной много вреда можно еще принести. Как думаешь?

— А что думать? Судя по фальшивой красноармейской книжке, это те, о ком предупреждала госбезопасность. Значит, базы постоянной у них в Москве нет. — Данилов скинул шинель, достал платок, вытер руки: — Нет у них базы!

— Ну и что?

— А то, что он с этой раной к врачу придет.

— Так! — сказал начальник. — Немедленно распорядись, чтобы передали во все аптеки, поликлиники, медпункты, больницы, госпитали, практикующих

частников пусть участковые предупредят: если кто обратится с похожим ранением — звонить нам.

20 октября 16.00. Арбат, угол Мерзляковского переулка. Аптека

День был сухой и солнечный. Свет с улицы, пробиваясь сквозь крест-накрест заклеенное стекло, падал на белый кафель пола замысловатой решеткой. Посетителей почти не было. Только у рецептурного отдела стояли две старушки из соседнего, Мерзляковского переулка.

Старший провизор Мария Никитична вышла из подсобки, осмотрела торговый зал, вздохнула и снова скрылась за белоснежной дверью, на которой синела медицинская эмблема.

После перерыва ожил репродуктор. Сначала из черного круга послышалось шипение, потом бодрый голос диктора заполнил аптеку: «Московское время шестнадцать часов. Начинаем наши передачи. Слушайте последние известия. Тыл фронту...»

Взвизгнула пружина входной двери — и в аптеку вошел высокий военный, в фуражке с черным околышем, кожаной куртке, с танкистскими эмблемами. Шея его была обмотана грязноватым бинтом.

Повязка была сделана неумело, наскоро и мешала танкисту повернуть голову. Все это сразу же отметила продавщица Алла Романова.

«Наверное, фронтовик», — подумала она.

— Девушка, милая, — танкист улыбнулся, — у вас бинтика не найдется?

— Конечно, конечно, найдется и бинт, и йод. А что у вас?

— Да осколком зацепило во время артобстрела. Ехал в Москву с фронта — и зацепило. — Танкист еще раз улыбнулся. Улыбка на его сером, видимо от потери крови и боли, лице была словно приклеена. Улыбались только губы, а глаза, словно выцветшие от боли, оставались пустыми и неподвижными.

— Вас надо перевязать, — решительно сказала Алла, вспоминая, чему ее учили на курсах медсестер, и сама испугавшись своей решительности. — Куда вы ранены?

— Шея задета.

— Проходите! — Алла показала рукой на дверь и вдруг вспомнила утренний звонок из милиции: «Господи, они же предупреждали о человеке с касательным ранением шеи. Господи, что же делать?»

А «танкист» уже распахнул дверь в подсобку, и Алла увидела удивленные глаза Марии Никитичны.

— Мария Никитична, — стараясь сдерживать волнение, сказала Алла, — вот товарищ командир в шею ранен. Его надо перевязать и сыворотку противостолбнячную ввести. А я пойду, а то в зале никого нет.

Алла повернулась и, плотно закрыв за собой дверь, вышла. Телефон стоял в кабинете управляющего. Волнуясь, она никак не могла повернуть ключ. Наконец замок поддался, и Алла подошла к телефону.

Через пятнадцать минут оперуполномоченный Игорь Муравьев и два сотруدنника МУР а приехали в аптеку.

— Вы звонили? — спросил Муравьев худенькую девушку в белом халате. Она кивнула головой.

— Где он?

Девушка так же молча указала на дверь. На табуретке сидел человек, голый по пояс, рядом лежала кожаная куртка. Женщина в белом халате аккуратно бинтовала ему шею. Услышав скрип двери, он резко обернулся, лицо исказила гримаса боли. Он потянулся к куртке, но потерял равновесие и упал. Один из оперативников схватил куртку и вынул из кармана парабеллум.

— Вы арестованы! — сказал Муравьев.

21 октября 01.30. МУР

Данилов поднял телефонную трубку, подумал немного, прежде чем набрать номер. Вот уже почти десять часов они допрашивали «танкиста», но ничего добиться так и не смогли. Он или молчал или нес такое заведомое вранье, что даже многоопытные оперативники удивленно разводили руками. А «танкист» сидел на стуле, заложив ногу за ногу, улыбался нагло, курил предложенные ему папиросы.

В перерыве к Данилову зашел Серебровский:

— Ну знаешь, Иван, я тебя не понимаю.

— То есть?

— Он явно издевается над нами, а ты сидишь и аккуратно протоколируешь его вранье.

— Пусть пока покуражится.

— Что значит «пока»? Долго оно будет длиться, это самое твое «пока»? Ты пойми, он ранил наших товарищей, за его спиной стоит группа вражеских пособников!..

— Ты мне, Сережа, политграмоту не читай. Я и сам все знаю. Понимаешь, придут данные экспертизы, будем оперировать фактами.

— Ну смотри, тебе жить. Только зря, время уходит, а сообщники его где? — Серебровский выразительно щелкнул пальцами. — Время идет, понимаешь?

— Понимаю.

— Смотри, Иван, — еще раз предупредил замначальника и вышел.

В дверь постучали, и вошел начальник НТО.

— Ну, Данилов, все. Мои ребята работали, как звери.

— Долго что-то.

— Наука, брат, это тебе не жуликов ловить.

— Ну давай показывай.

— Смотри.

Ровно через полчаса Данилов приказал привести к нему арестованного.

«Танкист» вошел, лениво осмотрел кабинет так, словно попал в него впервые, и сел, развалившись на стуле.

— Вы когда-нибудь слышали о такой науке, как криминалистика? — спросил Данилов.

— Приходилось.

— Вот и прекрасно, это намного облегчит нашу беседу. Смотрите, вот пуля, извлеченная врачами при операции у нашего сотрудника Фролова, а вот вторая пуля, отстреленная специально из изъятого у вас пистолета. Читайте заключение экспертизы. Да, вы уже говорили, что нашли пистолет на улице. Кстати, шесть снаряженных обойм тоже? Молчите? Прекрасно! Вы помните, что наш врач делал вам перевязку? Отлично! У вас хорошая память. Так вот экспертиза сообщает, что ваша группа крови совпадает с группой крови на воротнике шинели, найденной на месте преступления.

Данилов открыл шкаф, дослал шинель.

— Хотите примерить?

— Нет.

— Тогда ознакомьтесь с постановлением ГКО. Прочли? Так что, трибунал или?..

— Я все скажу, если вы мне запишете явку с повинной! — Голос задержанного стал хриплым, лицо осунулось.

— Значит, вы к нам на перевязку пришли? Так, что ли? Здесь МУР, у нас не торгуются, а чистосердечное признание любой трибунал в расчет берет.

21 октября 05.30. Косой переулок, дом № 6

Из машины они вышли, не доезжая до переулка. В рассветной темноте люди разошлись по своим местам. Данилов, Муравьев и Самохин вошли в подъезд. Иван Александрович осветил циферблат часов — еще десять минут до назначенного времени. За это время оперативники заблокируют все выходы из переулка. Начальник МУРа выделил большую группу. Из показаний «танкиста» стало известно, что они бывшие уголовники, завербованы фашистской разведкой и заброшены в Москву. Определенного задания у них не было, главная задача — внести дезорганизацию: грабежи, нападения на военнослужащих, сигнализация ракетами во время налетов вражеской авиации.

«Танкист» должен был сегодня угнать машину и в 5.45 подъехать к дому.

Данилов опять посмотрел на часы. Время. В переулке раздался гул мотора, скрипнули тормоза у подъезда, И сразу же на втором этаже хлопнула дверь, слышались шаги.

Оперативники прижались к стене.

— Давай быстрее! — сказал кто-то.

— Подожди, я вроде спички забыл! — ответил второй голос.

— Черт с ними, у Кольки наверняка есть! Пошли!

Два человека прошли совсем рядом с Даниловым, он даже явственно уловил запах табака, водочного перегара. «Сейчас они откроют дверь подъезда. Сейчас».

Скрипнула дверь, и яркий свет фонарей ударил прямо в глаза.

— Назад! — крикнул один из бандитов.

Но за их спиной вспыхнули фонари, и из темноты вышли трое с пистолетами в руках